

Бухта половины Луны

Евгений Иванов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Евгений Иванов
Бухта половины Луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36346169

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-11472-2

Аннотация

С «Тутси» в поисках Америки. Американские приключения нон-стоп. Пятьдесят штатов от океана до океана. И страх, и ненависть, и любовь. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Нью-Йорк. Начало	4
Глава 2. Нью-Йорк. Вдоль Гудзона	8
Глава 3. Нью-Йорк. Центральный парк	15
Глава 4. Нью-Йорк. Мидтаун	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1. Нью-Йорк. Начало

Внизу за бортом самолёта в сильном удалении, словно на спутниковой карте, медленно проплывала Калифорния. Вот Сан-Диего раскинулся в синих бухтах. Рядом скатывается с холмов мексиканская Тихуана. Бордовая линия границы протянулась меж ними.

Растерянно озираясь, я повертел головой в надежде обнаружить спинку впереди стоящего кресла, котлету в пластиковой упаковке или стюардессу в проходе. Ничего этого не было.

Животный ужас и неподъёмная тяжесть в глубинах пищеварительного тракта цепко держали в глухом ступоре. Я стоял на краю открытого люка турбовинтового ДНС-6, который на высоте четырёх с половиной километров трясло и болтало, как пьяного. Еле держащие ватные ноги не слушались. Мне оставалось сделать шаг вперёд, и я не мог заставить себя его сделать.

Сквозь вязь оцепенения в голове промелькнули картинки. Я здесь добровольно? За люком выл адский ветер и зияла бездна. Я попытался вспомнить, как же это вышло, и весь путь бешеной мозаикой промелькнул перед глазами. С чего же всё началось?

Самолёт до Нью-Йорка...

Солнечный луч, преломляющийся в битом стекле ваго-

на, движущегося по эстакаде над закатным городом. Или нет... сначала яркие блики на прозрачных панелях огромного аэропорта. «Визит к партнёрам. На неделю, не больше, сэр!».

– When you're planning leavin' America?

– When I will live in America?

Иногда лучше просто улыбаться.

Заходящее солнце тает за окнами нью-йоркской электрички. Поезд в сторону Манхэттена. Над эстакадой в Бруклине взмывают птицы. Внезапный тоннель, грохот.

Рядом в тамбуре, подпирая огромные чемоданы, щебечут студентки из Венгрии. Перед въездом в тоннель открылся вид на город. Всё вызывает в них восторг и радостные предчувствия. Их ждёт страна-загадка.

Ведь где-то на юге простирается солнечная Флорида. Где-то там под вечно синим небосводом парят белоснежные пляжи Пенсаколы. Раздувает медью джазовый Орлеан. За стенами офисов, студий и редакций, за окнами одноэтажных домов и высотных небоскрёбов, за дверьми кофеен и пиццерий – кипит, бурлит неизведанная незнакомая жизнь. «Пятно в Мексиканском заливе! Гольфстрим остывает! Браки лесбиянок – узаконить! Как насчёт тетро-гидро, фолкс?». Язвительный Колберт в «Тайм». Стюарт на кабеле. Травля «Фокс». «Обама теряет авторитет! Железная Марта скоро снова сядет! Линдсей Лохан скоро выйдет!».

Кто знает, что ждёт тебя во всём этом безумии под назва-

нием «Большое яблоко»?

Сквозь шум мелодичный голос: «Центральный вокзал». Конечная.

Бросив вещи в отеле, через час я уже озирался по сторонам в восточной части Юнион на углу Бродвея и Четырнадцатой улицы. Встреча с деловым партнёром.

– Привет! Ну, как у вас тут дела?

– Всё лучше и лучше!

Говорят, здесь выживают только оптимисты.

Ночная прогулка. Город не спит. Туристы, толпы бездельников. Рассвет на мосту. Вино. Разговоры. С утра народ несётся на работу. Ранние пташки. Нужно всё успеть! Проверить новости. Детей в школу. Успеть в гольф-клуб на утренний кофе. Засадить деньги клиента на бирже. Смотраться с коллегами на ланч. Завернуть на судебный процесс. Посетить курсы вождения моторной яхты. Наведаться к любовнице. Заглянуть на коктейль-пати. Прошвырнуться по магазинам в поисках нового токарного станка. Покидать мяч с сыном.

Вставать рано, чтобы понять этот город! Ок.

Следующим утром я спустился к Бэттери-Парк, где дают прокат велосипеды. Остров изрезан велосипедными маршрутами. Вместе с байком дадут и карту дорожек. Удобный способ познакомиться с городом. Что ж, за мной, читатель – давай посмотрим, что тут к чему...

– Главное – соблюдай правила, старик! – подмигнул мне

парень за стойкой. – Просто привези мне обратно байк целым!

Я вскочил на педаль. Ловко оттолкнулся. Перемахнул с рюкзаком через раму. И, виляя в толпе, на полном ходу въехал в очередь, ожидавшую посадку на прогулочный паром к Статуе Свободы. Резко затормозив, я в мгновение ока съехал промежностью на раму. Кто-то из мужчин непроизвольно вскрикнул. Толпа расступилась, образовав круг. Раздались возгласы негодования.

Придерживая велосипед, натужно пытаюсь сделать хотя бы один вдох, мелкими перебежками, согнувшись, я спеша посеменяю к выходу из парка. Велопрогулка началась!

Глава 2. Нью-Йорк. Вдоль Гудзона

Денёк разогревался. Я не спеша крутил педали по западной кромке острова. Вдоль причалов болтались лодки. Яхты спешили за надутыми парусами. Над пирсами повис мутный запах прокисших водорослей. Гудзон неспешно толкал свои воды в сторону океана.

Тихий океан привёл сюда по льду первых людей. Что-то случилось с ними в дороге. Когда прибыли европейцы, у индейцев не было даже колеса.

Инки, если надо было назначить свидание или сообщить время намечающейся потасовки, просто пальцем указывали в небе, где в этот момент будет солнце.

Майя напророчили конец света, но пропали сами.

Ацтеки любили путешествовать. Их дороги были благоустроены и хорошо охранялись. Можно было отпустить женщин без сопровождения. Курсировали гонцы и почта. В пути можно было отдохнуть, принять пищу и посетить уборную.

Североамериканские индейцы империй не строили. Чероки. Апачи. Гуроны. Красная охра на скулах. Чинуки. Семинолы. Команчи. Дым костра над равниной. Навахо.

Кристоваль Колумб пламенно верил, что до Индии можно добраться быстрее, если плыть на запад через Атлантику. Вопрос был лишь в средствах на экспедицию. Кого интересуют прожекты взбалмошного фантазёра? Нищенская жизнь

в стенах испанского монастыря. Аудиенция короля. «Санта-Мария». «Пинта». «Нинья». Сборы в дорогу. Три судна вышли из гавани города Палос-де-ла-Фронтера. Попали в сплошное месиво гнилых водорослей – Саргассово море.

Первый остров в Карибском бассейне. Нагие туземцы. Тела их были покрыты ритуальными узорами. В их простецких жилищах поблёскивали внушительные куски золота. Возле лачуг провисали диковинные гамаки. Они жевали и жгли сухие листья душистых кустов.

Наслаждавшийся добытой Индией Колумб туземцев так и окрестил – индейцами.

Вскоре быстроходные галеоны, фрегаты и каравеллы потянулись на новый берег. Потянулись государевы люди разных флагов за золотишком. Круша друг другу черепа, продвигались они вглубь континента, размечая наделы.

Лихие люди потянулись вслед за ними. Прибрежные воды закишели флибустьерами, сбывающими награбленное в новых портах. «Весёлый Роджер» идёт на abordаж! Боже храни «Мэйфлауер»!

Люди в пути рождаются и умирают. Океан забирает тех, кому дальше уже не нужно. Прощальные круги на воде преломляют глубинное свечение атлантической бездны.

Капитан Генри Гудзон первым бросил здесь якорь. Новый Амстердам!

Индейцы быстро сторговали ненужный в хозяйстве островок. Бобровый мех очень нравится бледнолицым спутницам

незванных гостей.

Бобры на прилегающих территориях быстро закончились. Бобровые войны уносят мужчин. Род Волка скудеет... Последний из Черепах держит руку единственной Гиены. Они будут бесшумны! Вы догадаетесь о визите только по знакам и трупам. Они просочатся сквозь лес, будто лисы. Нападут неожиданно и исчезнут так же, словно тени.

Центральная тропа. Бродвей. Погонщики ведут скот на водопой. Ветер с Гудзона.

Я расположился передохнуть в кафе на набережной. Свежий ветерок задувал в окна кафетерия. Солнечные искры метались в волнах. Тёплый день.

Телевизор над барной стойкой заканчивал трансляцию баскетбольного матча.

– Засранцы! – жарко прорвало вдруг бородача за соседним столиком. – Ты посмотри, что делают, суки! – он принялся протирать салфеткой жирные от курицы пальцы, бросая взгляды на экран.

Официант принёс мне омлет. Игра сменилась новостями. Диктор сосредоточенно дождался окончания заставки и, вдохнув, начал. На экране появились расплывчатые снимки:

– Официальные представители НАСА пока отказываются от комментариев! Напомним, информация о сенсационной утечке впервые появилась на лентах информационных агентств вчера поздно ночью. На снимках видны объекты, которые наш источник характеризует, как управляемые

и движущиеся с постоянной скоростью в сторону Земли.

Бородач смял салфетку и метнул её баскетбольным приёмом в мусорную корзину.

Бармен сделал погромче. Диктор передал слово взволнованному корреспонденту в Хьюстоне:

– Альтернативные источники подтверждают наличие крайне странных объектов в созвездии Тельца, но пока не решаются дать более точные характеристики. Пульсары нового типа? Вероятно! Эксперты также заявили и о возможных бликах на объективах фиксирующего телескопа.

Репортёр растерянно глянул на здание за спиной и переложил микрофон из руки в руку:

– Параметры движения объектов приводят здесь всех в замешательство. Пресса с утра пестрит безумными прогнозами и предположениями. Реакция Белого дома пока неизвестна. У здания Пентагона с утра собираются пикеты. Мы продолжаем следить за развитием ситуации...

Бородач замер с пивом у рта:

– Какого чёрта долбаным пришельцам здесь надо? Хватает и проклятых поляков. Работу последнее время и так хрен сыщешь!

Кафе тревожно забурлило.

– Это знак! – уверенно обратился ко мне официант. – Это посланцы божие!

Он встревожено посмотрел на свои руки:

– Грядёт Царство небесное, вот увидите!

– Кара небесная! – продолжил нагнетать бородач. – Ангелы ада приближаются, чтобы схватить за яйца проклятых барыг с Уолл-стрит. Страшный суд грядёт, вот что это такое! – он, наконец, отхлебнул и вернулся к еде.

– Страшный суд для тебя настанет, если ты не прекратишь пугать посетителей, Дуг, – бармен переключил канал. – К чёрту это дерьмо!

Я закончил омлёт, расплатился и вышел.

Миновав толпу туристов и перевалив в районе 90-х улиц через холмы Риверсайд-Парка, я выкатился к кампусу Колумбийского университета. Старые здания кампуса увиты плющом. «Лига плюща». Обсерватория на крыше физического факультета.

Я бросил велик на газон, чтобы сделать пару снимков величественного здания из тёмного кирпича.

Здесь расщепляли атом в рамках «Манхэттенского проекта». Здесь на факультете был открыт дейтерий. Здесь же в подвале собрали первый циклотрон. Энрико Ферми, бежавший с семьёй из фашистской Италии, обрёл здесь пристанище и лабораторию.

Стеклянная дверь пикнула. Из здания вышли двое взломанных в потёртых пиджаках: постарше и помоложе. Помоложе держал в руках большую чашку кофе.

– Ты спектрограммы видел? – он вынул из-за уха карандаш и поболтал им в чашке. – Об этих снимках с утра все телеканалы трубят.

– Я их видел ещё неделю назад, поверь, – ответил тот, что постарше. – НАСА не хочет огласки. Представь, что здесь может начаться.

Перекидываясь короткими фразами, они быстро скрылись за углом.

Я попытался догнать, но они растворились в пестроте студенческого кафетерия. Народ, перекусывая, готовился к лекциям. В углу среди книг и тетрадей томилась парочка в разноцветных кедах.

– Ты меня любишь? – спросила курчавая студентка с пёстрыми верёвочными фенками на руках.

– Угу, – не отрывая головы от записей, отвечал кучерявый очкарик в толстом свитере.

– Если они прилетят, ты меня спасёшь? – продолжала допытываться она.

– Господи! Да это, может быть, будет самый счастливый день для всего человечества! – он приподнял, наконец, шевелюру над бумагами. – Что если они несут нам новые знания? Технологии. Лекарство от рака. Доступ в галактический интернет! – он склонил голову над ноутбуком и нажал пару клавиш.

– А что если они летят, чтобы всех убить и высосать наши мозги? – она с тревогой положила подбородочек на кулачки. – Прилетят и направят на нас лучи. И все мы станем делать страшные глупости. Ты станешь целоваться с Бекки Лиз или с Даниэлой.

– Я не стану целоваться с Бекки Лиз. Хотя... – его взгляд слегка затуманился, но он быстро спохватился. – Прекрати! Нам несут свет знаний. Иначе стоило бы вообще тащиться через всю галактику. Власти наверняка в курсе. Всё под контролем.

– Почему они скрывают от нас правду? – она пододвинулась к нему поближе.

Я допил кофе и вернулся на Бродвей.

Солнце зашло за частокोल зданий. Серое облако повисло над парком. Все эти тревожные слухи слегка выбивали из колеи.

Пора было посмотреть что-нибудь действительно стоящее.

Глава 3. Нью-Йорк. Центральный парк

– Хийа! – раздалось вдруг где-то сбоку, и мощный удар обрушился на светофорный столб на углу 101-й улицы.

Опустив ногу, шустрый азиат пружинисто присел, выпрыгнул вверх и пнул столб ещё раз.

Не достигнув результатов, он принялся обрабатывать железяку ногами и руками, и потом навалился на неё всем телом. Мимо медленно проехал полицейский кэб.

Наконец, загорелся зелёный. Все двинули на другую сторону – ко входу в парк. Азиат бросил разборки со столбом до завтра и, воткнув в уши музыку, потрусил вперёд всех. Спешившись, я вёл велик за руль.

Дорожки Центрального парка кружат и плутают. Вы всё время меняете стороны света, постоянно путая и ошибаясь – с этой стороны Ист-Сайд или это Вест-Сайд?

Бегущих здесь больше, чем просто гуляющих. Сразу же хочется бросить всё и бежать. Впрочем, такое ощущение подстерегает повсюду. Город бежит!

Бегут навстречу. Догоняют и обгоняют. Бегут по мостам. Вдоль набережных. По паркам и авеню. Бегут на юг, север, восток и запад.

Тонус, мышцы и фигура: «Who do you think you are,

bitch!»). Мышечная память первопроходцев. Человек, шедший перед вами по улице, вдруг отпрыгивает в сторону, повисает на случайной железке в стене, чтобы двадцать раз поднять своё тело. Он сделал это здесь в первый раз, повинаясь инстинкту, или это ритуал по пути на работу?

Любое место без церемоний может стать на пару минут спортзалом. Сплошь и рядом можно обнаружить людей, подпирающих стены, пытающихся сдвинуть столбы, светофоры или колонны на станциях метро. Дай волю, они разломают город в минуту.

Вот кто-то в подземке в восемь утра, словно Мюнхгаузен, вытаскивающий себя за волосы, упираясь ногами в пол, пытается приподнять кресло, на котором сидит. Мартышкин труд, наконец, работает! Клерк повис на поручне в тщетных попытках выдрать его с корнем. Старушка, словно восставший атлант, выкорчёвывает телефонную будку на платформе, оперевшись двумя руками в свод козырька.

В ходу любая свободная минута. Нет времени на ланч – ломай стены в офисе!

На входе в парк огромный чёрный мускулистый гигант, привязав себя крепким жгутом к скамейке, распластавшись над землёй, словно бурлак, с пронзительным шипением последних усилий тщетно пытается тащить её прочь.

Парк между Пятой и Восьмой авеню здесь заложили ещё в середине девятнадцатого века. Население быстро росло. Гулять по кладбищам можно, но страшно. Нужен парк!

Традицию бить парки в центре города завещала Европа. Если уж океан пересекли – должно быть, значит, всё с особым размахом. Утереть нос Старому Свету – извечная национальная потребность.

Когда в начале нового века стали модернизировать – тоннель под парком заложили сразу в проект. Дорога сквозь парк для машин была в проекте тоже. Густой кустарник по всему парку, скрывающий технические коммуникации, был запланирован тогда же. Жителей с территории за компенсацию переселили, а поселения снесли.

Мостки. Лужайки. Аллеи. Искусственные озёра полны живых уток. Замки. Музеи. Зоопарк. Некоторые получают осложнения и бронхит, днями валяясь на траве, в попытках сделать удачный кадр в глубинах парка, где гнездятся сотни видов птиц. Все работы в парке выполняют только волонтеры. Просто выбери прямо на сайте, чем можешь помочь и приходи.

Вопреки киноштампам Центральный парк по статистике самое безопасное место в городе. Впрочем, ночью опасно везде. Любой мегаполис набит психами.

Изъездив глухие тропки и поляны, я заблудился наконец совсем, уперевшись в тихий угол с потемневшим монументом.

С постамента взирал уроженец городка Ном. Застывший лик, окрашенный вековой патиной. Легендарный герой, спасший детей от гибели. Его взгляд был преисполнен муже-

ственной решимости. Не каждый способен возглавить трудную экспедицию в ледяном заполярье и доставить сыворотку для больных в срок. Газеты быстро разнесли драматическую историю, и спасатель проснулся национальным символом. Предприимчивые компании стали тиражировать узнаваемый образ, организовали тур по стране, но когда ажиотаж утих, оказалось, что герой забыт и заброшен, пробивается выступлениями в небольшом театрике и даже временами получает от хозяев заведения раздражённую взбучку.

Возмущенные граждане, узнав об этом, начали сбор денег. Выкупить контракт у жестоких владельцев! Даровать свободу несчастному артисту, имя которого уже знал весь мир. Героя тут же нашли, обогрели и приласкали. Легендарный пёс Балто переехал в Кливленд на тёплую квартиру и полное обеспечение. Непыльная работёнка – творческие встречи с детьми и домохозяйками, волнующие воспоминания о нелёгкой холодной дороге.

Над парком пролетел полицейский вертолёт. Дунул лёгкий ветерок.

Слегка отдохнув, я решил двигать сквозь тенистую аллею к выходу. Хвоя и шишки под ногами. И вдруг:

– Чарли, осторожно! – раздался внезапно возглас, и к переднему колесу упала замусоленная сучковатая палка.

Я резко остановился. Вслед за палкой прямо на моём пути из кустов вдруг возник чёрный пудель с игривой серебристой прядкой на курчавом загривке.

– Чарли, чертёнок! – снова повторился возглас, и из-за поворота на дорожке показался высокий мужчина в элегантном чёрном берете.

Лет он, пожалуй, как я потом пытался вспомнить, был почтенных, но выглядел весьма подтянуто. Острые черты лица стягивала загрубевшая кожа. В уголках рта блуждала лёгкая улыбка. Глаза лучились открытым задором.

«Пальто цвета „виски и дорогие сигары“ на прогулке с псом? Годится, если живёшь в хорошей квартирке у парка... Владелец ирландской вискикурни?» – предположил я. Хотя, может, что-то в нём было вроде и от немца. От него веяло ледяным спокойствием и миллионом долларов.

– Вот ты где, озорник! Набегался?

Он широко улыбнулся и, стащив с левой руки кожаную перчатку, освободил верхнюю пуговицу. На пальце блеснул драгоценный камень. Пудель потребовал взять палку.

– Спасибо, что придержали сорванца! – обратился он ко мне. – Утомил сегодня изрядно.

Заметив скамейку, он стащил вторую перчатку и не спеша сел, отдуваясь.

Я нагнулся, чтобы оказать любезность псу – кинуть палку.

Чарли, недобро фыркнув, посмотрел на меня и наступил на неё. Некоторые собаки чувят во мне нечто кошачье за версту.

Приметив рядом со скамейкой питьевой фонтанчик, я прислонил велосипед, и, припав, начал жадно пить. На тот

момент я проехал уже с десяток миль. Тёплая струя не давала отдохновения, но утоляла. Почувствовался даже некий абрикосовый привкус, словно наваждение.

Сбоку легла тень – кто-то принялся шумно хлебать воду в соседнем низком фонтанчике. Скосив взгляд, я оцепенел! Чарли небрежно облокотившись, стоял на задних лапах рядом и, нажав кнопку, лакал воду.

– В цирке, наверное, научился, – легко пояснил незнакомец.

Он достал расчёску и разгладил жёсткие вихры, тронутые сединой.

– Купил его год назад на ярмарке в Провиденсе. Какая стояла погода. Как сейчас!

Чарли удовлетворил свою насущную потребность и снова опустил на четыре лапы, лихо утерев усы.

Из кустов, ведущих к дорожкам, протиснулась на нашу полянку фигурка в велосипедном шлеме и с байком.

Она остановилась и оглядела нас.

Чарли прижал уши и затаился.

Свет упал на лицо под шлемом, когда она повернула голову.

Я не видал ничего красивее никогда, возможно.

Иногда всё происходит слишком быстро.

– Простите, у вас насоса не найдётся? – она кивнула на вялую покрывку и улыбнулась.

Где-то в ветвях певчий соловей толкнул в воздух аккорд.

Он достиг меня в полном объёме и цвете. Ударная волна прицельной трели. Гармоника октав. Здесь, и вправду, много птиц.

– Насос? – я растерянно обернулся к фабриканту и снова посмотрел на неё, пытаюсь сконцентрироваться на вопросе.

– Да, – она снова улыбнулась.

Хоры, торжественно выводя нежные рулады небесной кантилены, перешли в звенящий мажор. Где-то в тёмной кроне зашелестели ангельские переливы.

Фабрикант с интересом разглядывал деревья. Чарли раздумывал: сбежать ли за палкой ещё разок.

Она сняла шлем.

Непослушный сноп жёстких завихрений расправился и упал с чуть склонённой головы. Она завела волосы за шею. В листве запрыгало солнце.

– Элиза, – протянув руку, просто представилась она.

Я качнулся с протянутой рукой вперёд, и, кажется, не сразу попал в её ладонь.

Луч отразился в её глазах, сверкнув ярким бликом весело.

– Эта камера сводит меня с ума. Мне осталось всего два круга, и я, кажется, потеряла чёртов насос или забыла его дома.

Я протянул насос, глупо улыбаясь.

– В наше время милые девушки не поминали чёрта всеу, вот так вот запросто! – подключившись, задорно расплылся в улыбке ирландец. Или что-то от немца в нём было всё-та-

ки?

– Пара безобидных упоминаний того, что не существует, ещё ни кому не навредили, – весело отмахнулась она. – Пар как-то надо выпускать, верно?

Она присела и выпустила немного воздуха, нажав на золотник.

Я опустил на траву.

Фабрикант принял от циркача палку и метнул её в кусты. Чарли отправился её добывать.

Элиза пристроила насос и принялась качать, отказавшись от мужской помощи.

– Говорят, в Лондоне по городу ходят автобусы, – неожиданно начал тему фабрикант, разглядывая ветви.

– «Возможно, бога нет!» – гласят надписи на бортах, – он заинтересованно обернулся ко мне. – А! Что вы думаете?

Я прислушался: о чём он говорит?

Элиза сжимала в руках насосную трубку и нагнетала воздух парка в лёгкие слабой крышкой. Губы разомкнулись от интенсивного дыхания. Меж ними сверкнули белые искры.

– «Хватит беспокоиться – просто живи!» – каково? – не унимался с озорством незнакомец.

– Согласна на все сто! – рассмеявшись, подхватила Элиза, загоня воздух в камеру резкими толчками. – На факультете говорят: бог – лишь пучок нейронов в голове. Я не против религии. Если бог – программа, то заповеди – протоколы!

Она послуныявила палец и проверила: нет ли утечки в ниппеле.

– Бог – программа... – задумчиво погрузился ирландец. – Любопытно. Кто же... Что же тогда такое – Дьявол? – ещё более задумчиво, словно вглядываясь куда-то внутрь, спросил он.

– Вирус! – изрекла Элиза и, пнув упругое колесо, протянула мне насос обратно.

Я встрепенулся и схватил его из её рук. Попал в этот раз. Незнакомец посмотрел на нас.

Чарли сплюнул палку на хвойный ковёр и криво оскалился.

Солнце скрылось за деревьями, снова дунул ветерок. Стало темнеть.

Собрав волнистые струи в пучок на затылке, она, склонившись, пристроила их в купель шлема и, выпрямившись, закрепила его на голове. Я видел, как ремешок лёг на её скулу только с одной стороны. Наверное, с другой стороны он лёг так же... Я не видел другой стороны.

– Вы, конечно, слышали об этих странных объектах, о которых кричат с утра все вокруг? – произнёс вдруг ирландец, разглядывая низкие облака.

– В созвездии Тельца? Так это, наверное, администраторы сети. Летят перезагрузить сервера! – залилась весёлым смехом Элиза, регулируя высоту сидения.

– Сервера... – медленно протянул владелец вискикурни и,

откинув голову, оглядел верхушки деревьев. Над ними в окнах высотных домов вдоль Пятой авеню отражалось покрасневшее солнце. Проступили робкие звёзды.

– Меркурий в небе. Венера видна. Телец придёт... – стал он что-то бормотать невнятное. – Да-да. Нам предстоят интересные истории, друзья. Что ж, удачи!

Он поднялся и, кивнув нам, не спеша стал удаляться в сторону выхода из парка. Чарли совершенно по-хамски лихо оскалился и, словно бы подмигнув, посеменял следом.

Элиза вскочила на велосипед и, бросив пару слов благодарностей, скрылась в листве, оставив только пронзительный аромат какого-то летучего соединения. Я обессилено остался дышать этим на пустой земле, тревожно вглядываясь в тёмные окна Рокфеллеровского центра на Сорок девятой улице. Над высотками стали собираться тучи. И вроде как-то похолодало.

Глава 4. Нью-Йорк. Мидтаун

– Бамба эре, бамбата! – высунувшись вдруг из жёлтого кэба, заорал на меня иссиня-чёрный мужик.

Слегка опешив, я приготовился за что-нибудь извиниться, но тут сзади раздался не менее громогласный окрик:

– Бумба эре, бангоро! – выкатив белки, истошно орал в ответ абсолютно чёрный водитель соседнего кэба.

Опустив ногу на асфальт и придерживая велосипед, я стоял на светофоре в районе Пятидесятой улицы между двумя жёлтыми машинами со светящимися рекламными коробами на крышах.

Старый, как мир, диалог двух извозчиков в две секунды перерос в потенциальный очаг гражданской войны. Под пулемётным огнём забористых африканских ругательств я стал переживать – как бы кто-нибудь из них не достал ржавый карабин или нож. Кто знает, какие старые болячки эти односельчане прихватили с собой с родины в эмиграцию. Может, жертва узнала палача. Или брат встретил обидчика сестры. А, может, клиента на предыдущем светофоре не поделили?

Клиент присутствовал тут рядом. Он нервически взирал на меня с заднего сидения сквозь приоткрытое стекло первого кэба. Кто знает, что будет происходить дальше? В городе, где у каждого потца в кармане может оказаться пушка – можно ожидать чего угодно. Будешь улыбаться.

Я всем улыбнулся.

Зажёгся зелёный и кэбы двинули по Пятой авеню дальше, а я, пропустив автобус, вынырнул из плотного трафика на Сорок девятую улицу к Рокфеллеровскому центру.

На углу над лотками вздымался аромат прожаренных хот-догов. Гудящая пробка заполняла нестройными звуками переулок. Вечерний туман стелился в районе тридцатых этажей. Не доставало только выкриков разносчиков газет или чистильщиков обуви. Газеты давно уже разносит вай-фай, а обувь чистят автоматы.

Рокфеллеровский центр представляет собой большой комплекс из гряды высотных зданий, у подножья которых замёрз каток.

Строилось всё это в Мидтауне в тридцатые на деньги семьи Рокфеллеров. Потом всё выкупила японская «Мицубиси». Сейчас здесь штаб-квартиры крупнейших корпораций. Аукционный дом «Кристис» держит здесь офис. На крыше Рокфеллер-Плаза гнездится смотровая площадка с видом на город.

В этом же здании располагаются павильоны телестудии «NBC». На вечернее шоу «Saturday Night Live» можно купить билет. Особо рьяные поклонники шоу, которым билет не достался, могут присоединиться к огромной очереди с чёрного хода, и, если будут свободные места, выскочит человек и пропустит несколько счастливиц. Остальные с шумным вздохом разбредаются по домам и отелям.

«Saturday Night Live» идёт в прямом эфире уже более тридцати лет. Это комедийное шоу имеет огромное влияние на умы нации.

В ту избирательную кампанию, когда победил Обама, страну пьянил выбор между возможностью увидеть в Белом Доме первого чернокожего президента или первого вице-президента женщину. Первый кандидат шёл от демократов. Второй от республиканцев. Популярная ведущая Тина Фей сняла на кандидата в вице-президенты Сару Пэйлин серию убийственных пародий, и это назвали одним из наиболее значимых факторов, повлиявших на исход выборов.

Что уж говорить, талантов у Тины Фей множество. И писатель, и популярный комик, и актёр, и продюсер, и сценарист. «NBC» выпустило на экраны комедийный сериал «30 Rock» – о том, как делается «Saturday Night Live». Тина Фей написала сценарий и сыграла саму себя. Сериал получил громадную аудиторию и любовь публики, а также тридцать восемь номинаций «Эмми» и два «Золотых Глобуса».

Название сериала восходит к адресу студии – дом тридцать, Рокфеллер-Плаза. Именно по этому адресу на площади возле катка каждый год наряжают главную рождественскую ёлку. «NBC» транслирует живую картинку включения огней.

Рокфеллер, когда строительство здания уже подходило к концу, для украшения фасада задумал заказать какую-нибудь жизнеутверждающую фреску. Очень ему хотелось, чтобы работу сделал Анри Матисс или Пабло Пикассо, но оба

были слишком заняты, чтобы взять заказ.

В итоге на фреску подрядился мексиканский живописец Диего Ривьера.

Прогрессивный автор под впечатлением напористого соцарта, который тоннами пёр в те годы из народившейся молодой Советской Республики, изобразил на фреске московскую первомайскую демонстрацию и Ленина с Троцким во главе.

В центре композиции вполне в духе соцреализма главенствовал Рабочий с пудовыми кулаками. Присутствовали: радужные лучи, космос, трубы и жилистая рука крепко сжимала земной шар. Магнат таким задорным пролетарским оптимизмом остался крайне недоволен. Фреску сначала закрыли брезентом, а потом и вовсе демонтировали. Взамен поставили не менее прогрессивную фигуру гиперболически мускулистого исполина, вздымающего над головой мирный атом.

Оскорблённый до глубины души художник воссоздал злополучную фреску позже на родине, в оперном театре города Мехико.

Обзорная площадка «Top of the Rock» на семидесятом этаже Рокфеллер-Плаза открылась сразу же в тридцать третьем, когда здание было закончено. И вы, наверное, видели эту знаменитую фотографию рабочих, обедающих, словно птицы, на узкой металлической балке над бездной Манхэттена. Фотограф Чарльз Эббет сделал этот снимок за год до окончания строительства, и «Нью-Йорк Херальд Три-

бьюн» тут же украсила им главную полосу.

Я упёрся лбом в толстое стекло обзорной площадки и попытался разглядеть внизу людей. С высоты двухсот пятидесяти метров машины превратились в медленно ползущие точки. Людей разглядеть без оптики оказалось проблематично.

Панорама впечатляла.

На севере до Гарлема блестели пруды Центрального парка. За Гарлемом пестрел Бронкс. На западе Гудзон подмывал берега Нью-Джерси. Статен-Айленд тонул под жёлтой дымкой в заливе. До горизонта на восток уходил вслед за Бруклином нескончаемый Лонг-Айленд. На юге за частоколом Даунтауна в туманной пелене вздымала над заливом факел Колочая француженка. В центре над всем этим нёс в облачной высоте свой шпиль величественный Эмпайр-стейт-билдинг. После трагедии «близнецов» сто два этажа этого здания вновь на долгое время стали самым высоким небоскрёбом Нью-Йорка.

Впрочем, он всегда и оставался его корневым символом. За элегантный его вид он оказался под номером один в официальном списке лучших американских архитектурных решений. Строился этот исполин на деньги Джона Рокфеллера-младшего. Рядышком стоит Крайслер-билдинг – его легко можно узнать по круто сужающейся верхней части, выполненной на манер дисков автомобиля. Задача стояла – перехватить первенство у семидесятиэтажного Крайслера,

и это с лихвой удалось. Ленточку перерезали первого мая тридцать первого года, и Гувер лично нажал кнопку, включив освещение здания. Подвела депрессия. На момент открытия далеко не все помещения были сданы, и здание получило прозвище: «Пустой-стейт-билдинг» («Empty State Building»).

Высокий шпиль было решено использовать, как причальную мачту для дирижаблей. Тем более что красавец «Гинденбург» уже начал совершать трансатлантические полёты с пассажирами на борту из Германии в Америку. Граф Циппелин не жалел средств на развитие нового вида транспорта.

Как и «Титаник», на момент постройки «Гинденбург» стал самым большим и самым комфортабельным дирижаблем в мире. У истории нездоровое чувство юмора. «Гинденбург» стал воздушным «Титаником» на том же самом пути – из Европы в Америку.

Поначалу высший свет по обе стороны океана с восторгом встретил появление «летающих кораблей». И инвесторы, и любители комфортных путешествий связывали с развитием дирижаблесторения весьма далекоидущие планы.

«Гинденбург» сразу же установил рекорд, пройдя над Атлантикой за двое суток. На борту располагался роскошный ресторан с изысканной кухней. Салон с роялем. Смотровая платформа. Из-за ограничений по весу не было только ванн. Вместо ванн предлагался душ. Был также и запрет на откры-

тый огонь. Пассажиры перед посадкой обязаны были сдать спички и зажигалки – всё, что могло дать искру. И не смотря на это всё же под присмотром команды можно было курить в специально отведённой комнате. А над головами в потоках ветра болталось двести тысяч кубометров водорода.

Желая пофорсить перед ньюйоркцами, капитан подвел дирижабль к смотровой площадке Эмпайр-стейт-билдинга, где цеппелин уже поджидали репортеры и публика. Но, поскольку шпиль ещё не был готов к приёму дирижаблей, «Гинденбург» увели швартоваться на соседнюю базу в Нью-Джерси.

Когда техники на земле уже держали верёвки в руках, раздался страшный взрыв, и огромный пузырь с водородом вспыхнул, словно солома. От едкого чёрного дыма стало темно, как ночью. Огонь быстро охватил корму и стал распространяться к носовой части, уничтожая воздушное судно. Пассажиры стали прыгать на землю. Многим удалось спастись. Капитан выжил, но сильно обгорел.

Полёты на водороде моментально запретили. Эмпайр-стейт-билдинг не стал воздушным портом города. А в сорок пятом году он стал первым небоскрёбом, подвергшимся самолётному тарану. Бомбардировщик В-25 «Митчелл» заблудился в густом тумане и врезался в здание в районе восьмидесятого этажа. Один из двигателей пробил башню насквозь и упал на соседнее здание. Другой двигатель свалился в шахту лифта. Пожар потушили за сорок минут.

Лифтёр Бетти Оливер упала в шахту лифта и выжила после падения с высоты в семьдесят два этажа!

На этом удивительные истории не закончились. Здание стало Меккой самоубийц, и вокруг обзорной площадки на крыше вскоре была возведена высокая решётка. В семьдесят девятом году находчивая мисс Элвита Адамс решила схитрить и прыгнула из окна восемьдесят шестого этажа. Некоторым не везёт вечно. Порыв сильного ветра подхватил и забросил мисс Адамс на восемьдесят пятый этаж! Такое бывает? Она выжила, отделавшись лишь переломом бедра. Чудны дела твои, Господи!

В холле здания на стене висит панно. На нём изображены семь чудес света. И к ним добавлено восьмое – сам Эмпайр-стейт-билдинг.

В здании семьдесят три лифта, но пятого февраля каждого года лестницы заполняют люди, которым на лифты наплевать. В этот день проходят соревнования по скоростному подъёму. Подняться с первого на последний этаж некоторым удаётся за десять минут. Пожарные и полицейские устраивают междусобойчики и бегут наверх в полной выкладке.

Ночная подсветка верхушки зачастую кодирует какое-нибудь событие.

По цветовой гамме, например, можно узнать какая из спортивных команд Нью-Йорка сегодня играет – гамма повторяет цвета эмблемы команды.

Когда умер Фрэнк Синатра, подсветка была выполнена

в синих тонах в память о прозвище певца: «Мистер Голубые глаза». А когда умерла актриса Фэй Рэй, освещение вообще выключили на пятнадцать минут.

В каждом уважающем себя фильме-катастрофе несчастный Эмпайр плавят инопланетными лучами, раскурочивают метеоритами, сносят огромной волной или замораживают льдами. Но в умах жителей планеты Эмпайр прежде всего связан с большой уродливой и по-своему несчастной гориллой, которую всегда в конце фильма детям до рыданий жаль. Фэй Рэй как раз и была той красавицей, к которой Кинг-Конг так нежно прикипел. Именно с ней он взобрался в тридцать третьем году на шпиль башни и потерпел за любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.